Блок 8 МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

15.3 Как Вы понимаете значение словосочетания **МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ**? Сформулируйте и прокомментируйте данное Вами определение. Напишите сочинение-рассуждение на тему **«Что такое материнская любовь»**.

Текст 8.1

(1)Толя осени не любил. (2)Не любил за то, что опадали листья и «реже солнышко блистало», а больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

(3)Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных дорожках, а дождь заколачивал и заколачивал что-то в крышу... (4)Но мама не удерживала Толю дома, а даже поторапливала. (5)И Толя почувствовал, что теперь он совсем большой: папа тоже ходил на работу в любую погоду!

(6)Мама вынула из шкафа зонтик и белый плащ, который Толя тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

– (7)Ты куда? – удивился Толя.

– (8)Тебя провожу.

– (9)Меня... провожать? (10)Что ты?

(11)Мама вздохнула и положила приготовленные вещи обратно в шкаф.

(12)Толе очень нравилось бежать в школу под дождём. (13)Один раз он обернулся и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. (14)На улице было много плащей и зонтиков, но маму он узнал сразу. (15)А она, заметив, что Толя обернулся, спряталась за углом старого двухэтажного дома.

(16)«Прячется!» – сердито подумал Толя. (17)И побежал ещё быстрее, чтоб мама не вздумала догонять его.

(18)Возле самой школы он обернулся ещё раз, но мамы уже не было.

(19)«Вернулась», – с облегчением подумал он.

(20)На торжественной линейке ученики строились по классам. (21)Молодая учительница проворно смахивала с лица мокрые прядки волос и кричала:

– (22)Первый «В»! (23)Первый «В»!

(24)Толя знал, что первый «В» – это он. (25)Учительница повела ребят на четвёртый этаж.

(26)Ещё дома Толя решил, что ни за что не сядет за парту с девчонкой. (27)Но учительница, словно шутя, спросила его:

– (28)Ты, наверное, хочешь сесть с Черновой, да?

(29)И Толе показалось, будто он и правда всегда мечтал сидеть рядом с Черновой.

(30)Учительница раскрыла журнал и начала переключку. (31)После переключки она сказала:

– (32)Орлов, прикрой, пожалуйста, окно.

(33)Толя сразу вскочил и подошёл к окну, но дотянуться до ручки ему было нелегко. (34)Он приподнялся и вдруг замер на цыпочках: за окном он неожиданно увидел маму. (35)Она стояла, держа в руках сложенный зонтик, не обращая внимания на дождь, который стекал с плаща, и медленно водила глазами по окнам школы: мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит её Толя.

(36)И тут он не смог рассердиться. (37)Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу, помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть:

– (38)Не волнуйся! (39)Не волнуйся, мамочка... (40)Всё хорошо! (41)Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается. (По А. Алексину)*

* **Алексин Анатолий Георгиевич** (род. в 1924 г.) – писатель, драматург. Его произведения, такие как «Мой брат играет на кларнете», «Действующие лица и исполнители», «Третий в пятом ряду» и др., повествуют главным образом о мире юности.

Текст 8.2

(1) Однажды в начале октября, рано утром, уходя в гимназию, я забыл ещё с вечера приготовленный матерью конверт с деньгами. (2) Их нужно было внести за обучение в первом полугодии.

(3) Когда началась большая перемена, когда всех нас по случаю холодной, но сухой и солнечной погоды выпускали во двор и на нижней площадке лестницы я увидел мать, только тогда я вспомнил про конверт и понял, что она, видно, не стерпела и принесла его сама.

(4) Мать, однако, стояла в сторонке в своей облысевшей шубёнке, в смешном капоре, под которым висели седые волосики, и с заметным волнением, как-то ещё более усиливавшим её жалкую внешность, беспомощно вглядывалась в бегущую мимо ораву гимназистов, которые, смеясь, на неё оглядывались и что-то друг другу говорили.

(5) Приблизившись, я приостановился и хотел было незаметно проскочить, но мать, увидев меня и сразу засветясь ласковой улыбкой, помахала рукой, и я, хоть мне и было ужасно стыдно перед товарищами, подошёл к ней.

– (6) Вадичка, мальчик, – старчески глухо заговорила она, протягивая мне оставленный дома конверт и жёлтенькой ручкой боязливо, словно она жглась, прикасаясь к пуговице моей шинели, – ты забыл деньги, а я думаю – испугается, так вот – принесла.

(7) Сказав это, она посмотрела на меня, будто просила милостыни, но, в ярости за причинённый мне позор, я ненавидящим шёпотом возразил, что нежности телячьи эти нам не ко двору, что уж коли деньги принесла, так пусть сама и платит.

(8) Мать стояла тихо, слушала молча, виновато и горестно опустив старые свои ласковые глаза. (9) Я сбежал по уже опустевшей лестнице и, открывая тугую, шумно сосущую воздух дверь, оглянулся и посмотрел на мать. (10) Но сделал я это не потому вовсе, что мне стало её сколько-нибудь жаль, а всего лишь из боязни, что она в столь неподходящем месте расплачется.

(11) Мать всё так же стояла на площадке и, печально склонив голову, смотрела мне вслед. (12) Заметив, что я смотрю на неё, она помахала мне рукой с конвертом так, как это делают на вокзале, и это движение, такое молодое и бодрое, только ещё больше показало, какая она старая, оборванная и жалкая.

(13) На дворе ко мне подошли несколько товарищей и один спросил, что это за шут гороховый в юбке, с которым я только что беседовал. (14) Я, весело смеясь, ответил, что это обнищавшая гувернантка и что пришла она ко мне с письменными рекомендациями.

(15) Когда же, уплатив деньги, мать вышла и, ни на кого не глядя, сгорбившись, словно стараясь стать ещё меньше, быстро постукивая стоптанными, совсем кривыми каблучками, прошла по асфальтовой дорожке к железным воротам, я почувствовал, что у меня болит за неё сердце.

(16) Боль эта, которая столь горячо обожгла меня в первое мгновение, длилась, однако, весьма недолго.

(По М. Агееву)*

* *Михаил Агеев (Марк Лазаревич Леви) (1898–1973) – русский писатель.*

Текст 8.3

(1) Никто, как мать, не умеет так глубоко скрывать свои страдания и муки. (2) И никто, как дети, не умеет так хладнокровно не замечать того, что происходит с матерью. (3) Она не жалуется, значит, ей хорошо.

(4) Я никогда не видел слёз своей матери. (5) Ни разу в моём присутствии её глаза не увлажнились, ни разу она не пожаловалась мне на жизнь, на боль. (6) Я не знал, что это было милосердием, которое она оказывала мне.

(7) В детстве мы легко принимаем от матери жертвы, всё время требуем жертв. (8) А то, что это жестоко, узнаём позже – от своих детей.

(9)«Золотые дни» не вечны, на смену им приходят «суровые дни», когда мы начинаем чувствовать себя самостоятельными и постепенно удаляемся от мамы. (10)И вот уже нет прекрасной дамы и маленького рыцаря, а если он и есть, то у него другая прекрасная дама – с косичками, с капризно надутыми губами, с кляксой на платье...

(11)В один из «суровых дней» я пришёл из школы голодный и усталый. (12)Швырнул портфель. (13)Разделся. (14)И сразу за стол. (15)На тарелке лежал розовый кружок колбасы. (16)Я съел его мгновенно. (17)Он растаял во рту. (18)Его как бы и не было. (19)Я сказал:

– (20)Мало. (21)Хочу ещё.

– (22)Мама промолчала. (23)Я повторил свою просьбу. (24)Она подошла к окну и, не оглядываясь, тихо сказала:

– (25)Больше нет... колбасы.

(26)Я встал из-за стола, не сказав «спасибо». (27)Мало! (28)Я шумно ходил по комнате, грохотал стульями, а мама всё стояла у окна. (29)Я подумал, что она, наверное, разглядывает что-то, и тоже подошёл к окну. (30)Но ничего не увидел. (31)Я хлопнул дверью – мало! – и ушёл.

(32)Нет ничего более жестокого, чем просить у матери хлеба, когда его у неё нет. (33)И негде взять. (34)И она уже отдала тебе свой кусок... (35)Тогда можно рассердиться и хлопнуть дверью. (36)Но пройдут годы, и стыд настигнет тебя. (37)И тебе станет мучительно больно от своей жестокой несправедливости.

(38)Ты будешь думать о дне своего позора даже после смерти матери, и эта мысль, как незаживающая рана, будет то затихать, то пробуждаться. (39)Ты будешь находиться под её тяжёлой властью и, оглядываясь, скажешь: «Прости!» (40)Нет ответа.

(41)Некому прошептать милосердное слово «прощаю».

(42)Когда мама стояла у окна, её плечи слегка вздрагивали от беззвучных слёз. (43)Но я этого не заметил. (44)Я не заметил грязных своих апрельских следов на полу, не расслышал хлопнувшей двери.

(45)Теперь я всё вижу и слышу. (46)Время всё отдаляет, но оно приблизило ко мне и этот день, и многие другие дни. (47)Во мне накопилось много слов. (48)Они распирают мне грудь, стучат в висок. (49)Они рвутся наружу, на свет, на бумагу.

(50)Прости меня, родная!

(По Ю.Я. Яковлеву)*

** Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 8.4

(1)Мы задержались в школе, и, когда вышли на улицу, уже смеркалось. (2)Снегу навалило до половины валенка. (3)Я забеспокоился, зная, как жестоки наши степные сибирские метели, какие беды они могут принести.

(4)И скоро началось то, чего я опасался. (5)Снежинки вдруг закружились в таком танце, что через несколько минут началась настоящая пурга, вскоре перешедшая в большой буран. (6)Узенькую дорожку, которая вела в наше село, то и дело засыпало снегом, а потом она и совсем пропала. (7)Будто из-под ног её украл кто-то очень недобрый.

(8)Я испугался и не знал, что делать дальше. (9)Ветер свистел на все лады, чудились волки. (10)И вдруг в вое ветра я услышал спокойный голос матери: «Не бойся, тебе надо зарыться в снег». (11)Я так отчётливо слышал голос моей матери, отлично зная, что маминым голосом я разговариваю сам с собой в моём воображении...

(12)Мы вырыли пещерку и всю ночь просидели, рассказывая друг другу разные истории. (13)А утром, пробив дыру на свободу, мы отправились домой.

(14)Открыв дверь, я бросился к маме. (15)Бросился и – что было, то было – заплакал.

– (16)Да о чём ты? (17)Переобувайся да живо за стол, – сказала мать, ничего не спросив о минувшей ночи.

(18)Приехал отец. (19)Он хвалил меня, обещал мне купить маленькое, но настоящее ружьё. (20)Он удивлялся моей находчивости. (21)А мать?.. (22)Мать сказала: «Парню тринадцатый год, и странно было бы, если бы он растерялся в метель да себя с товарищами не спас».

(23)Вечером мы остались с бабушкой вдвоём. (24)Мать ушла на станцию, к фельдшеру. (25)Сказала, что угорела – болит голова. (26)С бабушкой мне всегда было легко и просто. (27)Я спросил её: «Бабушка, хоть ты скажи мне правду: почему мать не пожалела меня? (28)Неужели я в самом деле такой нестоящий?»

– (29)Дурень ты, больше никто! – ответила бабушка. – (30)Мать всю ночь не спала, редела, как умалишённая, с собакой по степи тебя искала, колени обморозила... (31)Только ты ей, смотри, об этом ни гугу!

(32)Вскоре вернулась мать. (33)Она сказала бабушке: «Фельдшер дал порошки от головы. (34)Говорит, чепуха, скоро пройдёт».

(35)Я бросился к матери и обнял её ноги. (36)Сквозь толщу юбок я почувствовал, что её колени забинтованы. (37)Но я даже не подал виду. (38)Я никогда ещё не был так ласков с нею. (39)Я никогда ещё так не любил свою мать. (40)Обливаясь слезами, я целовал её обветренные руки. (41)А она погладила меня по голове и ушла, чтобы лечь. (42)Видимо, стоять ей было трудно.

(43)Так растила и закаливала нас наша любящая и заботливая мать. (44)Далеко смотрела она. (45)И худого из этого не получилось. (46)Мой брат теперь дважды Герой. (47)И про себя я кое-что мог бы сказать, да матерью строго-настроено наказано как можно меньше говорить о себе.

(По Е.А. Пермяку)*

** Пермяк Евгений Андреевич (настоящая фамилия – Виссов) (1902–1982) – русский советский писатель.*

Текст 8.5

(1)Все мамы разные: молодые, красивые, седые и уставшие, добрые и строгие. (2)Но до самой старости они остаются для нас всё теми же мамами. (3)Ведь и взрослому человеку, так же как и ребёнку, нужен мамин совет. (4)Только мама, невзирая ни на что, поддержит в любых хороших начинаниях, а иногда и выручит в трудную минуту, простит тебе любую ошибку и неудачу, грубое слово и непонимание. (5)Только вздохнёт тихонько, смахнёт украдкой слезу с грустных глаз и... простит тебя.

(6)Ведь сердце матери бездонно. (7)Ведь сердце матери способно простить тебе всё на свете. (8)Вдруг вспомнилось стихотворение Дмитрия Кедрина о том, как сын, вырвав сердце матери, понёс его жестокой возлюбленной. (9)Нелёгко был его путь, на скользком пороге он оступился и упал. (10)И в этот момент услышал, как сердце спросило: «Не ушибся, сынок?» (11)Мама простила предательство сына и его жестокость, потому что не может она иначе...

(12)А руки матери... (13)Вы задумывались когда-нибудь, как много делают для вас мамыны руки, как натружены они, как беспокойны – добрые, нежные, сильные и заботливые мамыны руки. (14)Они самое первое, что мы почувствовали в жизни, когда пришли в этот новый, незнакомый и удивительный мир. (15)Они прижали нас к груди, защитив от невзгод и тревог. (16)Мамина ладошка коснётся твоих волос, потреплет их игриво, и вот ушли все неприятности и огорчения, как будто мама отвела их от тебя своей материнской рукой. (17)Самое дорогое сокровище, самая большая ценность в нашей жизни – руки нашей мамы! (18)Взявшие на себя всю боль и холод, все раны и удары жизни, все тяжести и непогоды – всё то, что ограждает нас от невзгод и позволяет быть счастливыми.

(19)К сожалению, мы редко задумываемся о том, сколько времени и сил, сколько труда и здоровья, сколько ласки и заботы тратит на нас мама. (20)Вырастаем и, уехав из родного дома, забываем позвонить, написать пару строчек, подписать открытку к празднику. (21)А мама ждёт! (22)И находит любые оправдания нашей чёрствости, нашей занятости, нашему невниманию.

(23)К сожалению, многие слишком поздно понимают, что забыли сказать много хороших слов своим мамам. (24)Чтобы этого не произошло, нужно дарить тепло матерям каждый день и час, ведь благодарные дети – лучший подарок для них.

(25)Сколько бы мы ни говорили о маме, этого будет мало. (26)Каждая мама бескорыстно сделает всё для своего ребёнка.(27)Она будет переживать за твою судьбу независимо от того, сколько тебе лет.(28)Она отругает своего повзрослевшего ребёнка, а потом порадует за него и обязательно отметит все хорошие перемены, которые произошли с её всегда маленьким родным человечком. (29)Мама отдаст всё за то, чтобы ты стал настоящим человеком. (По И. Селивёрстовой)*

** Селивёрстова Инна – современная писательница и поэтесса.*

Текст 8.6

(1)Городской человек не ведает, чем пахнет земля, как она дышит, как страдает от жажды, – земля скрыта от его глаз застывшей лавой асфальта.

(2)Меня мать приучала к земле, как птица приучает своего птенца к небу. (3)Но по-настоящему земля открылась мне на войне. (4)Я узнал спасительное свойство земли: под сильным огнём прижимался к ней в надежде, что смерть минует меня. (5)Это была земля моей матери, родная земля, и она хранила меня с материнской верностью.

(6)Один, только один раз земля не уберегла меня...

(7)Я очнулся в телеге, на сене. (8)Я не почувствовал боли, меня мучила нечеловеческая жажда. (9)Пить хотели губы, голова, грудь. (10)Всё, что было во мне живого, хотело пить. (11)Это была жажда горящего дома. (12)Я сгорал от жажды.

(13)И вдруг я подумал, что единственный человек, который может меня спасти, – мама. (14)Во мне пробудилось забытое детское чувство: когда плохо, рядом должна быть мама. (15)Она утолит жажду, отведёт боль, успокоит, спасёт. (16)И я стал звать её.

(17)Телега грохотала, заглушая мой голос. (18)Жажда запечатала губы. (19)А я из последних сил шептал незабываемое слово «мамочка». (20)Я звал её. (21)Я знал, что она откликнется и придёт. (22)И она появилась. (23)И сразу смолк грохот, и холодная животворная влага хлынула гасить пожар: текла по губам, по подбородку, за воротник. (24)Мама поддерживала мою голову осторожно, боясь причинить боль. (25)Она поила меня из холодного ковшика, отводила от меня смерть.

(26)Я почувствовал знакомое прикосновение руки, услышал родной голос:

– (27)Сынок, сынок, родненький...

(28)Я не мог даже приоткрыть глаза. (29)Но я видел мать. (30)Я узнавал её руку, её голос. (31)Я ожил от её милосердия. (32)Губы разжались, и я прошептал:

– (33)Мама, мамочка...

(34)Моя мать погибла в осаждённом Ленинграде. (35)В незнакомом селе у колодца я принял чужую мать за свою. (36)Видимо, у всех матерей есть великое сходство, и если одна мать не может прийти к раненому сыну, то у его изголовья становится другая.

(37)Мама. (38)Мамочка.

(39)Я много знаю о подвигах женщин, выносивших с поля боя раненых бойцов, работавших за мужчин, отдававших свою кровь детям, идущих по сибирским трактам за своими мужьями. (40)Я никогда не думал, что всё это, несомненно, имеет отношение к моей матери. (41)Теперь я оглядываюсь на её жизнь и вижу: она прошла через всё это. (42)Я вижу это с опозданием. (43)Но я вижу.

(44)На Пискарёвском кладбище, заполненном народным горем, зеленеет трава. (45)Здесь похоронена моя мать, как и многие другие жертвы блокады. (46)Документов нет. (47)Очевидцев нет. (48)Ничего нет. (49)Но есть вечная сыновья любовь. (50)И я знаю, что сердце моей матери стало сердцем земли.

(По Ю.Я. Яковлеву)*

** Яковлев Юрий Яковлевич (1923–1996) – писатель и сценарист, автор книг для детей и юношества.*

Текст 8.7

(1) Однажды ранней весной привезли в зоопарк росомуху. (2) Она была похожа на огромную куницу: тёмно-бурая, покрытая длинной жёсткой шерстью. (3) По поведению росомухи служители зоопарка с первого взгляда поняли, что у неё, наверно, скоро должны родиться детёныши и она ищет место для логова.

(4) В клетку поставили деревянный домик. (5) Однако росомухе домик не понравился. (6) После долгих поисков она устроила логово под домиком: вырыла небольшое углубление, выстлала его своей шерстью, а через несколько дней оттуда послышался писк новорождённых.

(7) С появлением маленьких детёнышей росомуха перестала тосковать и рваться на волю. (8) А если же её детёнышам грозила опасность, она как-то по-особенному рычала, и детёныши, словно по команде, скрывались под домиком. (9) Особенно волновалась росомуха, когда они подходили к соседней клетке, в которой сидели два злющих волка. (10) Серые хищники давно охотились за её малышами. (11) Если те подбегали к решётке, волки злобно рычали, шерсть у них поднималась дыбом, они хватали зубами

за сетку и с силой дёргали, стараясь схватить росомашек.

(12) Днём волков отгонял служитель. (13) Зато ночью им никто не мешал. (14) И вот однажды, когда волки, как обычно, дёргали сетку, она не выдержала напора, разорвалась, и два серых хищника пролезли в клетку к росомухе.

(15) Увидев, что детёнышам грозит опасность, мать смело бросилась к ним на защиту. (16) Она была гораздо слабее двух волков и, не будь у неё детей, уж, наверное, постаралась бы уйти. (17) Но разве могла уйти и оставить своих детёнышей росомуха-мать?

(18) Она яростно кидалась то на одного, то на другого волка, увёртывалась от их укусов, бросалась опять, не давая им подойти к детям.

(19) Несколько раз пробовали волки пробраться к ним под домик, и каждый раз их отгоняла росомуха.

(20) Но вдруг в борьбе кто-то опрокинул деревянный домик. (21) Две маленькие испуганные росомашки остались совсем без прикрытия. (22) Жажущие добычи волки уже готовы были схватить их, но мать успела закрыть собой детёнышей. (23) Она всем телом легла на малышей и, с какой бы стороны ни старались их схватить волки, моментально поворачивалась и встречала их оскаленной пастью.

(24) Закрывая собой детёнышей, росомуха даже не могла теперь увернуться от укусов волков и всё-таки находила в себе силы отбивать их нападение.

(25) Неизвестно, чем бы кончился этот неравный бой, если бы на шум не прибежал сторож. (26) Он быстро отпер клетку и загнал волков на место. (27) Потом крепко заделал отверстие и подошёл к росомухе. (28) Она так ослабела, что у неё не было даже сил подняться. (29) И всё-таки, когда сторож хотел поглядеть, целы ли её малыши, она оскалила зубы и по-прежнему была готова их защищать.

(30) Убедившись, что малыши невредимы, сторож ушёл, а росомуха с трудом приподнялась и стала нежно лизать взъерошенную шерстку своих детёнышей.

(По В. Чаплиной)*

** Чаплина (Михайлова) Вера Васильевна (1908–1994) – известная детская писательница.*

Текст 8.8

(1) Стадо телят и бычков втянулось на старую, заваленную деревьями просеку. (2) Бычки и телята, да и мы тоже, тащились медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.

(3)В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистным доцветающим черничником. (4)Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. (5)Потом ягодка начнёт увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец, сделается чёрной с седоватым налётом.

(6)У черничного бугорка поднялся шум. (7)Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распушенными крыльями бегают кругами глухарка (охотники называют её капалухой).

– (8)Гнездо! (9)Гнездо! – кричали ребята.

(10)Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

– (11)Да вот же, вот! – показали ребяташки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

(12)Я глянул, и сердце моё забило от испуга: чуть было не наступил на гнездо. (13)Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. (14)Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. (15)В хатке утеплённое мхом гнездо. (16)В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. (17)Яйца чуть поменьше куриных. (18)Я потрогал одно яйцо пальцем – оно было тёплое, почти горячее.

– (19)Возьмём! – выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

– (20)Зачем?

– (21)Да так!

– (22)А что будет с капалухой? (23)Вы поглядите на неё!

(24)Капалуха металась в стороне. (25)Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. (26)На гнезде она сидела с распушенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняя для них ценное тепло. (27)Потому и застыли от неподвижности крылья птицы. (28)Она пыталась и не могла взлететь. (29)Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. (30)И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещет кожа. (31)Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

– (32)А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, – сказал подошедший учитель.

– (33)Это как наша мама. (34)Она всё нам отдаёт. (35)Всё, каждую капельку... – грустно, по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть, застенявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, крикнул: «А ну пошли стадо догонять!»

(36)И все весело побежали от капалухиного гнезда. (37)Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. (38)Но глаза её уже не следили за нами. (39)Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

(40)Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой, но вся она была настороже, вся напружинена. (41)Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

(42)И когда они вырастут, когда звонким зоревым апрельским утром уронят свою первую песню в большую и добрую тайгу, может быть, в песне этой будут слова, непонятные нам птичьи слова о матери, которая отдаёт детям всё, иной раз даже жизнь свою.

(По В.П. Астафьеву) *

** Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – выдающийся русский советский прозаик.*